

УДК 343.2/.7

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/224-230>

КАТЕГОРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ РУСИ

А. С. Коробова

Нижегородская академия МВД России

THE CATEGORY OF «PUBLIC ORDER» IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF EARLY FEUDAL RUS'

A. S. Korobova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Аннотация: представлены результаты исследования категории общественного порядка в раннефеодальном уголовном законодательстве с апеллированием к иным памятникам древнерусской письменности, в которых раскрыта содержательная сторона порядка в обществе того периода. Обосновывается вывод о влиянии христианско-нравственной морали на правила жития в сферах общественной жизни, включая брачно-семейные отношения, определяя отношения между сословиями и в сфере государственного управления в целях формирования нравственных отношений между членами общества.

Ключевые слова: Древняя Русь, «Русская правда», княжеские уставы, общественный порядок, христианство, правовые памятники, раннефеодальное общество.

Abstract: the article presents the results of the study of the category of public order in the early feudal domestic criminal legislation with an appeal to other monuments of ancient Russian literature, which present the substantive side of the order in the society of that period. A conclusion is made about the influence of Christian moral ethics on the rules of life in the spheres of public life, including marriage and family relations, determining the relations between classes and in the sphere of public administration in order to form moral relations between members of society.

Key words: Ancient Rus', «Russian Truth», princely statutes, public order, Christianity, legal monument, early feudal society.

На различных этапах становления российской государственности в числе основополагающих задач стояла проблема обеспечения общественного порядка. Это обстоятельство отразилось в памятниках права X–XII вв., в которых особое место занимал общественный порядок. По меткому замечанию А. А. Селифонова, «отсутствие самого понятия “общественный порядок” в словарном обиходе Древней Руси не значило, однако, отсутствия целенаправленной деятельности в отношении общества со стороны государства»¹. Установление общественного порядка

непосредственно связано с образованием государства и общества в Древней Руси. Рассмотрим вопрос подробнее.

В «Повести временных лет» летописца монаха Киево-Печерской лавры Нестора указано, что со времен царствования Михаила Русская земля приобретает свое название, однако порядка еще не существовало. Междоусобные войны тормозили формирование государственности, однако проживавший на данной территории народ стремился к упорядочению отношений и построению государства: «(862) Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе:

¹ Селифонов А. А. Общественный порядок : опыт исследования. СПб., 2011. С. 10.

© Коробова А. С., 2025

“Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”...»².

Древнерусская государственность формировалась из внутренних обстоятельств (образование социальной неоднородности, института частной собственности, необходимость подавлять межплеменные раздоры, осуществлять военно-организаторские функции и пр.), которые играли основополагающую роль, и внешней политики, выражающейся в завоеваниях, призвании, договорах, о чем свидетельствуют договоры Древней Руси с Византией 907, 911, 944 и 971 гг. Они служат источником не только международного права, но и права в Древнерусском государстве, которое к этому времени уже обладало первичными признаками государственности, такими как: единая территория, государственный язык, аппарат власти, устойчивая военная и финансовая организация.

Одними из первых правовых памятников отечественного уголовного законодательства являются «Русская Правда» и княжеские уставы. В их основе лежат нормы «обычного права». Значительное влияние на содержание первых законодательных актов оказали религиозные нормы, поскольку принятие христианства произвело переворот во многих сферах жизни древнерусского человека, определив необходимость регламентации новых общественных отношений с учетом христианской нормативно-этической системы, встраивающейся в ранее существовавшую раннефеодальную идеологию.

Появление новых правил, еще не имевших применения в древнерусском обществе, требовало со стороны княжеской власти законодательного закрепления, что и обусловило рецепцию византийских источников (Свод Юстиниана, Судебник царя Константина или «Закон судного людем»³ и др.) в древнерусских памятниках права. Однако заметим, что заимствования приспособлены к древнерусским обычаям и менталитету народа, носили адаптационный характер.

Таким образом, самобытный правотворческий процесс представлял собой симбиоз, вы-

текающий из правового обычая и религиозных норм византийского генезиса, адаптированных к древнерусскому сознанию.

Рассмотрим зарождение категории общественного порядка в памятниках права Древней Руси, применяя расширенное толкование. Под общественным порядком понимается система отношений между людьми, правила поведения, общежития, устои, закреплённые в правовых памятниках в период формирования Древнерусского государства и общества.

Поскольку с принятием христианства религия являлась фундаментальным элементом в построении общественных отношений, в ходе исследования категории общественного порядка обратимся к летописным памятникам древнерусской письменности, а также регламентирующим деятельность церковной системы, во многом отражающим сущность общественно-го порядка.

А. В. Точка в диссертационном исследовании указал, что «крещение Руси создало основу для формирования нового общества, основанного не на родоплеменных взаимосвязях индивида, а на его принадлежности к более широкой общности людей – народности». Он констатировал, «что для российской государственности вера, письменность и общественный порядок – понятия неотделимые одно от другого»⁴.

Согласно Словарю древнерусского языка современному слову «порядок» эквивалентно древнерусское «ПОРАДЪ», которое мы находим в памятниках древнерусской письменности.

Так, в Лаврентьевской летописи по списку 1377 г.⁵ в ходе описания летописного 1096 г. используется термин «ПОРАДЪ». Под ним понимается договор, соглашение: «поиду Кыѣву да порадѣ положимъ Г҃у Русьстѣи земли», «а то е(с) волость Г҃ица моего. да хочю ту съда порадѣ створити со Г҃ицѣи твои(м)».

Со временем древнерусское «ПОРАДЪ» приобретает новое значение. Так, в Летописи Новгородской (первой) по Синодальному спи-

² Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича; 129 ил. Мюда Мечева. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 507.

³ См.: Закон Судный людем в краткой редакции / под ред. М. Н. Тихомирова, Л. В. Милова. М.: Академия наук СССР, 1961. 179 с.

⁴ Точка А. В. Преступления против общественного порядка: криминализация, систематизация, уголовно-правовое содержание: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 16.

⁵ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1988. Т. 7. С. 236.

ску в ходе повествования о летописном 1166 г.⁶ древнерусское «ПОРАД|Ъ» применяется в значении *переговоры*: «*приде Ростиславъ, ис кыѣва на лоукы. и позва новгородѣце на порадъ*».

Аналогичный смысл содержится в слове «ПОРАДЪ» и в Лаврентьевской летописи⁷ при описании 1217 летописного года: «*снемши(м)сА имъ всъ(м) на Исадъ(х) на порадъ. ИзАславъ. Кюръ Михаилъ. Ростиславъ. Отославъ. Гльбъ. Романъ. Инъгваръ же не оуспъ приѣхати к ни(м) не бѣ бо приспѣло еще время ѣго*» (перевод: «Когда собрались они все на Исадах на съезд для переговоров, Изяслав, Кюр Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб, Роман; Ингвар же не успел приехать к ним, ибо не приспело еще время его»).

В значении *порядок, устройства по порядку* слово «ПОРАДЪ» встречается в Лаврентьевской летописи по списку 1377 г. в повествовании о летописном 1180 г.: «*...и порадъ створивъ всей брати, роздавъ имъ волость ихъ. комуждо по старъишинству. возвратисА в Володимеръ*» (перевод: «...и порядок установив во всей братии, раздав им волости их каждому по старшинству, возвратился во Владимир»)⁸.

В свою очередь, слово «общественный» отсутствует в памятниках древнерусской письменности, поскольку понятие «общество» еще не сформировано: древнерусский народ начинает выстраивать связи, отношения между собой, социальными группами внутри оформившегося конгломерата, уже обладавшего признаками государственности.

Однако в древнерусских памятниках слово «общество» коррелирует с древнерусским «ЛЮДИИ», под которым, например, согласно

Житию Феодосия Печерского по Успенскому сборнику XII в.⁹ понимаются *жители какого-либо места; население страны, княжества, города*: «*тѣгда же великии никонъ оумьриу ростиславоу князю острова того оумолень бысть отъ людии тѣхъ, преити къ стославоу князю и молити и да пуститъ къ нимъ сѣна своеѣго. да сюдетъ на столъ томъ*» (перевод: «Когда умер Ростислав, князь острова того, жители его умолили великого Никона отправиться к князю Святославу и просить его, чтобы он отпустил своего сына к ним, и тот бы занял княжеский стол»).

При этом древнерусское «ЛЮДЬСКИИ», образованное от «ЛЮДИИ», в Пандектах Никона Черногорца 1296 г.¹⁰ используется в значении *общественный, публичный*: «*людьскоѣ же мѣсто повельниѣмъ ѡ(с)рвомъ не бываютъ сѣно*».

Следует отметить, что в Уставе студийском, относящемся к концу XII – началу XIII века и регламентирующем монастырское общежитие и церковную службу, *порядок, благоустройство* именуется как «БЛАГОЧИНЕНИ|и»: «*Подобаютъ же прочеѣ намъ, въ соущю оучениѣ нѣкихъ инѣхъ главъ поманути. Къ цр(к)вноу му и къ тѣмъ невидимымъ. блѣочинениѣ же и оустроению*»¹¹.

В соответствии с Кормчей Ефремовской XII в. под БЛАГОЧИНЕНИ|иЕМ понимается *соблюдение правил, выдержка, послушание*: «*Самопрѣтыкателю ... чѣстныя чѣтоутъ каноны, тѣмъ же вѣнѣмлющая еп(с)пы. и застоупающимъ С(т)даю|ще. Сами паче строгать дѣлѣмъ. Вѣтѣхъ блѣочинѣниюмъ паче чѣтоутъ*»¹². Также в Кормчей употребляется существительное «БЛАГОЧИНИИ» в значении «установлен-

⁶ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 7. С. 48 ; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова ; отв. ред. чл.-кор. АН СССР М. Н. Тихомиров. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. С. 32.

⁷ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 7. С. 236 ; Лаврентьевская летопись 1377 г. Нижний Новгород. Основной писец – монах Лаврентий. Ф.п.IV.2 Ф. 550. Основное собрание рукописной книги, инв. 219. Л. 150об.

⁸ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 7. С. 236 ; Лаврентьевская летопись 1377 г. Нижний Новгород. Основной писец – монах Лаврентий. Ф.п.IV.2 Ф. 550 - Основное собрание рукописной книги, инв. 219. Л. 131об.

⁹ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 4: (изживати – моление). С. 482 ; Библиотека литературы Древней Руси / РАН ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 542 с. ; Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон ; под ред. С. И. Коткова ; АН СССР ; Ин-т рус. яз. М. : Наука, 1971. 754 с.

¹⁰ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 4: (изживати – моление). С. 484 ; Пандекты Никона Черногорца рукопись / Никон Черногорец. [Б.м.], XVI в. I+490 [из них 1 чистый] л. : 1° (21,0 x 30,6) см.

¹¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 1: (а – възаконАтисА). С. 215.

¹² Там же. С. 215–216.

ный порядок, правила»: «къ симъ же и о блѣоч ни и црѣвъ. гавлѣна правила повелѣхомъ; мнози црѣвъноу блѣочиниѣ съмоуштати и развратити хоташте»¹³.

В соответствии с Уставом студийским церковным и монастырским конца XII в. или начала XIII в. от древнерусского «БЛАГОЧИНІИѢ» образованы производные: во-первых, древнерусское существительное «БЛАГОЧИНЬСТВО», под которым понимается *следование установленным правилам, послушание*: «толико опасениѣ, блѣочиньства же и добропокорения. ꙗже величѣствіємъ моучени боудоуть непокорѣсѣа»¹⁴; во-вторых, «БЛАГОЧИНЬСТИВИИѢ» в значении «следование установленному порядку, правилам»: «О прѣбывании блѣобязнивыхъ мѣнихъ слово, и о въсацѣмъ обѣдании блѣочиньстивии. и о инѣхъ ꙗко въ подобоу бѣ прѣдати. таковою коупленіемъ сътворѣюще»¹⁵.

Исследование юридического термина «благочиние» проведено Ю. В. Сидоркиным, изучавшим полицейский надзор за благочинием в Российской империи, охватывая хронологические рамки с момента возникновения регулярной полиции в Российском государстве. Он связан с утверждением 25 мая 1718 г. Петром I «Пунктов» и длился до революции и упразднения Департамента полиции Министерства внутренних дел постановлением Временного правительства «Об упразднении Департамента полиции и об учреждении Временного управления по делам общественной полиции» от 10 марта 1917 г.¹⁶ Он отмечал, что «термин “благочиние” употреблялся в XVI – первой половине XVII в. преимущественно в обиходе русской православной церкви и обозначал строгий порядок, соблюдение строгого порядка, благопристойное поведение»¹⁷.

Вместе с тем в древнерусских памятниках термин «благочиние» используется в церковном обиходе гораздо раньше, начиная с XII в. Это, в свою очередь, свидетельствует о существова-

нии уже в то время определенных правил поведения, которым древнерусский человек должен был следовать, за несоблюдение которых подразумевалось наказание.

Поскольку религия для древнерусского общества имела фундаментальное значение, каноны и тексты церковно-юридического характера, закрепленные в церковных памятниках, содержали обязательные для православных христиан правила. Они регламентировали общественные отношения в сфере государственного управления, а также дела, касающиеся церкви, и нашли свое отражение в правовых нормах в результате законодательной деятельности органов власти. Кроме того, данные обстоятельства подтверждают потребность развивающегося феодального государства в установлении правопорядка в обществе того времени.

Разумеется, мы не найдем в древних памятниках составы преступлений против общественного порядка, закрепленные в современном Уголовном кодексе РФ. Однако именно в них содержатся истоки признаков преступлений против общественного порядка. Так, И. В. Рехтина замечает: признаки современного хулиганства можно увидеть уже со времен Русской Правды¹⁸.

Учитывая, что Русская Правда является первым писаным законодательным актом Древней Руси, рассмотрим подробнее *Краткую и Пространную редакцию Русской Правды*, а также *Уставы Владимира Мономаха и Ярослава Мудрого*. Указанные документы позволяют определить совокупность общественных интересов, устоев, правил поведения, за нарушения которых предусматривалось наказание.

В ст. 24 Устава князя Ярослава Владимировича регламентировано обязательное правило ношения бороды: «Аже пострижетъ голову или бороду, епископу 12 гривен, а князь казнить»¹⁹. В этой норме отражен обычай ношения бороды мужским населением, выступая символом мужественности. С принятием крещения борода приобрела религиозное значение, в связи с чем обязательное ее ношение нашло отражение в памятниках древнерусского права.

¹³ Там же. Т. 1: (а – възаконѣна). С. 215.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 216.

¹⁶ См.: Сидоркин Ю. В. Полицейский надзор за благочинием в Российской империи : историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 34 с.

¹⁷ Сидоркин Ю. В. Возникновение и развитие понятия «благочиние» в правоохранительной сфере Российской империи // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4А. С. 41.

¹⁸ См.: Рехтина И. В. Предпосылки принципа правовой определенности (res judicata) в источниках права Древней Руси X–XVI вв. // История государства и права. 2014. № 15. С. 16–21.

¹⁹ Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова ; сост. А. А. Зимин. М. : Госюриздат, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. С. 261.

Поэтому действия, направленные на лишение человека бороды, совершенные публично, считались унижающими человеческое достоинство, оскорблением религиозных чувств верующих, выражающими явное неуважение к обществу и потерпевшему.

В соответствии со ст. 67 Пространной редакции Русской правды за совершение данного деяния предусмотрен штраф в размере 12 гривен: «А кто порвет бороду, а взьмет знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклепе, то нету продаже (перевод: «А (если) кто вырвет (у кого) клочок бороды и останется знак (от этого), к тому же будут свидетели, то (платить) 12 гривен штрафа; если свидетелей не будет, а (будет) только (одна) жалоба, то князю штрафа не платить»)²⁰.

В Смоленском соглашении с Ригю 1230–1270 гг. также содержится норма, охраняющая данное правило, однако наказание было основано на социальной дифференциации. В соответствии со ст. 19 Соглашения 3 гривны серебра (12 гривен кун) полагались за повреждение бороды рядового смолянина; за бороду боярина платилось 5 гривен серебра²¹.

Помимо этого, Пространная редакция Русской Правды предусматривала за отсеченный палец штраф в четыре раза меньше, чем за вырванный ус или бороду. Покушение на честь и достоинство, а также религиозные чувства верующего человека каралось намного строже, чем за небольшое увечье.

Фиксация в Русской Правде наказания за действия, выражающие неуважение к личности и обществу, сопряженные с применением насилия, подтверждает идею стремления построения системы отношений в древнерусском обществе на принципах уважения, патриархальности, христианских морально-нравственных норм, формируя тем самым правила взаимодействия в обществе в целях обеспечения общественного спокойствия и безопасности.

В Древней Руси формируется порядок нравственного жития в семейно-брачных отношениях между мужчиной и женщиной, родственниками, детьми и родителями, поддерживая тем самым патриархальные устои и утверждая половую мораль. В свою очередь, данный процесс отражен в Восточно-Русской редакции Устава кня-

зя Ярослава Владимировича, отнесшего дела о нарушении нравственности к компетенции церковного суда. Во введении к Уставу указано: «...не подобает сих тяжь судити князю и бояром. Дал есмь митрополитом и епископом те суды, что писаны в правилех, в номоканоне, по всем городом и по всей области, где крестьянство есть»²².

За несоблюдение установленных правил взаимоотношений в сфере семейно-брачных отношений и половой морали указанным нормативным актом предусмотрены штрафы. Так, в ст. 14 Устава предусмотрено наказание за прекращение мужем семейных отношений: «Аже муж с женою по своей воли распутится, епископу 12 гривен; а будет не венчалныи, епископу 6 гривен». Статьи 17–18 охраняют чистоту семейных отношений, выстраивая отношения между членами семьи на принципе правил нравственности. В частности, ст. 17 Устава гласит: «Аже свекор [с] снохоу блудит, епископу 100 гривен, а опителю по закону»; ст. 18: «Аже кто с двема сестрою ма падется, епископу 30 гривен»²³.

В процессе становления русского государства выстраивалась система отношений в обществе, устанавливались правила поведения. Они основывались на принципах уважения, нравственности, морали, в соответствии с христианскими нормами, направленными на обеспечение телесной и духовной защиты древнерусского человека от посягательств.

Кроме того, на законодательном уровне охранялась и христианская символика. Во Второй редакции Устава князя Владимира Мономаха 1113 г. в ст. 3 в числе противоправных деяний, отнесенных к компетенции церковного суда, содержатся сруб креста, стоящего на дороге, возвышении или на кладбище, и осквернение стен зданий (мы бы сказали – вандализм). По смыслу ст. 3 осквернение стен выражается в нанесении надписей или изображений острым предметом: «...крест посекут или на стенах режут...»²⁴. На законодательном уровне прослеживается защита христианской идеологии в борьбе с идолопоклонством, языческим укладом жизни. Таким образом, княжеская власть стала осуществлять контроль за соблюдением норм общежития²⁵. Подобное деяние совершено по мотивам рели-

²² Там же. С. 259.

²³ Там же. С. 260.

²⁴ Там же. С. 241.

²⁵ См.: Горский А. А. Русь : от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 126–127.

²⁰ Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. С. 115.

²¹ См.: Там же. С. 89.

гиозной ненависти, с целью оскорбления чувств верующих и общественной нравственности.

Положения «Устава» охраняют тело человека и после смерти, запрещая «мертвецы сволочать», т. е. разрытие могилы из корыстных побуждений в целях снятия одежды и драгоценностей с умершего. Тем самым не допускалось совершение грехом виновного лица.

Таким образом, становление древнерусского государства предопределило появление правовых актов, соответствующих формирующемуся общественному порядку.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Первоначально правила жития жителя Руси закреплялись в церковных памятниках, содержащих каноны и тексты церковно-юридического характера. Часто они заимствовались из византийских источников, приспособленных к древнерусской действительности и правосознанию населения.

2. Отнесение преступлений к компетенции церковного суда способствовало внедрению христианских религиозно-правовых идей в общественное правосознание²⁶. Оно отражалось в порядке общества раннефеодального периода Руси, регламентировалось законодательно и наказывалось чаще всего штрафом.

3. Памятники права закрепляли основополагающие правила поведения населения не только в церковных делах, но и в иных сферах общественной жизни, включая брачно-семейные отношения. Нормы определяли взаимоотношения сословий и в сфере государственного управления в целях формирования уважительных отношений между членами общества. Их целевое назначение состояло в обеспечении общественного спокойствия и нормальной жизнедеятельности государства.

Библиографический список

Библиотека литературы Древней Руси / РАН ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 542 с.

Горский А. А. Русь : от славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Закон Судный людем в краткой редакции / под ред. М. Н. Тихомирова, Л. В. Милова. М. : Академия наук СССР, 1961. 179 с.

Лаврентьевская летопись 1377 г. Ниж. Новгород. Основной писец – монах Лаврентий. Ф.п.IV.2 Ф. 550. Основное собрание рукописной книги, инв. 219. Л. 150 об.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова ; отв. ред. чл.-кор. АН СССР М. Н. Тихомиров. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. 565 с.

Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова ; сост. А. А. Зимин. М. : Госюриздат, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. 287 с.

Пандекты Никона Черногорца рукопись / Никон Черногорец. [Б.м.], XVI в. I+490 [из них 1 чистый] л. : 1° (21,0 × 30,6) см.

Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича ; 129 ил. Мюда Мечева. СПб. : Вита Нова, 2012.

Рехтина И. В. Предпосылки принципа правовой определенности (*res judicata*) в источниках права Древней Руси X–XVI вв. // История государства и права. 2014. № 15. С. 16–21.

Савченко Д. А. Правовая система Древней Руси XI–XII вв. // Развитие территорий. 2015. № 3. С. 77–82.

Селифонов А. А. Общественный порядок : опыт исследования. СПб., 2011.

Сидоркин Ю. В. Полицейский надзор за благочинием в Российской империи : историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 34 с.

Сидоркин Ю. В. Возникновение и развитие понятия «благочиние» в правоохранительной сфере Российской империи // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4А. С. 40–46.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 1: (а – възаконАтисА). 526 с.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 4: (изживати – моление). 559 с.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 7. 505 с.

Точка А. В. Преступления против общественно-го порядка : криминализация, систематизация, уголовно-правовое содержание : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 210 с.

Успенский сборник XII–XIII вв. / изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон ; под ред. С. И. Коткова ; АН СССР ; Ин-т рус. яз. М. : Наука, 1971. 754 с.

²⁶ См.: Савченко Д. А. Правовая система Древней Руси XI–XII вв. // Развитие территорий. 2015. № 3. С. 77–82.

References

Library of Literature of Ancient Rus / RAS ; In-rus. lit. (Pushkin House) ; ed. by D. S. Likhachev et al. St. Petersburg : Nauka, 1997. V. 1: XI–XII century. 542 p.

Gorsky A. A. Rus. From the Slavic settlement to the Muscovite kingdom. Moscow, 2004. P. 126–127.

Laurentian Chronicle of 1377 Nizhny Novgorod. Main scribe – monk Laurentiy. F.п. IV.2 F. 550 – Main collection of the manuscript book, inv. 219. L. 150 rev.

Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions / ed. and with preface by A. N. Nasonov ; ed. Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences M. N. Tikhomirov. Moscow ; Leningrad : USSR Academy of Sciences, 1950. 565 p.

Monuments of Russian law. Part 1: Monuments of the law of the Kievan state of the 10th–12th centuries / ed. by S. V. Yushkov ; compiled by A. A. Zimin. Moscow : Gosyurizdat, 1952. 287 p.

Pandects of Nikon the Chernogorsk manuscript / Nikon the Chernogorsk. [B.m.], 16th century. I+490 [of which 1 clean] p.: 1° (21.0 × 30.6) cm.

The Tale of Bygone Years / transl. by D. S. Likhachev, O. V. Tvorogov ; commentary by A. G. Bobrova, S. L. Nikolaev, A. Yu. Chernov with the participation of A. M. Vvedensky and L. V. Voitovich ; 129 ill. Myuda Mecheva. St. Petersburg : Vita Nova, 2012. 507 p.

Rekhtina I. V. Prerequisites for the principle of legal certainty (res judicata) in the sources of law of Ancient Rus' in the 10th–16th centuries // History of state and law. 2014. No. 15. P. 16–21.

Savchenko D. A. Legal system of Ancient Rus' of the 11th–12th centuries // Development of territories. 2015. No. 3. P. 77–82.

Selifonov A. A. Public order : research experience. St. Petersburg, 2011. P. 10.

Sidorkin Yu. V. Police supervision of decency in the Russian Empire : historical and legal research : cand. legal sci. dis. abstr. Nizhny Novgorod, 2020. 34 p.

Sidorkin Yu. V. The emergence and development of the concept of «decency» in the law enforcement sphere of the Russian Empire // Issues of Russian and International Law. 2017. Vol. 7. No. 4A. P. 40–46.

Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries) : in 10 volumes / USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian language ; ed. in chief R. I. Avanesov. Moscow : Russian language, 1988. Vol. 1. 526 p.

Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries) : in 10 Volumes / USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian Language ; ed. in chief R. I. Avanesov. Moscow : Rus. Language, 1988. Vol. 4. 559 p.

Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries) : in 10 Volumes / USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian Language ; ed. in chief R. I. Avanesov. Moscow : Rus. Language, 1988. Vol. 7. 505 p.

Tochka A. V. Crimes against public order : criminalization, systematization, criminal-legal content : cand. legal sci. dis. Krasnodar, 2014. 210 p.

Assumption collection of the 12th–13th centuries / ed. prepared by O. A. Knyazevskaya, V. G. Demyanov, M. V. Lyapon ; ed. by S. I. Kotkov ; USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian Language. Moscow : Nauka, 1971. 754 p.

Нижегородская академия МВД России
Коробова А. С., редактор редакционно-издательского отдела, соискатель
E-mail: korobova07@list.ru

Поступила в редакцию: 04.04.2025

Для цитирования:

Коробова А. С. Категория «общественный порядок» в уголовном законодательстве раннефеодальной Руси // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 224–230. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/224-230>

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Korobova A. S., editor of the editorial and publishing department, applicant for an academic degree
E-mail: korobova07@list.ru

Received: 04.04.2025

For citation:

Korobova A. S. The category of «public order» in the criminal legislation of early feudal Rus' // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 224–230. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/224-230>